УДК 947 DOI: 10.17277/pravo.2020.04.pp.017-032

На примерах биографий некоторых известных представителей народнических партий (социалистов-революционеров и народных социалистов) впервые показано, как деятельность в качестве служащих земств помогала будущим политикам определиться в идейной ориентации, давала практическое знание характеров и нужд простого народа, а также навыки коммуникации с крестьянским населением. Выявлено значение земств как ранних прообразов современных институтов гражданского общества и своеобразной «школы активизма» акторов публичной политики периода российских революций (1905 – 1917 гг.). Приведен вывод, что вследствие понимания специфики жизни и менталитета «низов», опыт, приобретенный народниками в период работы в земствах, способствовал успешному развитию их дальнейшей общественно-политической карьеры.

Ключевые слова: земства; статистика; народничество; общество; крестьянство.

Ольга Львовна Протасова, *канд. ист. наук, доцент, кафедра «Теория и история государства и права», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; olia.protasowa2011@yandex.ru*

Ирина Геннадьевна Пирожкова, *канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент, кафедра «Конституционное и административное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; 0_1_23456789@list.ru*

ЗЕМСКАЯ СЛУЖБА КАК СТАРТ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕОНАРОДНИЧЕСКИХ ПАРТИЙ) *

Введение. *Актуальность* проблематики данного исследования обусловлена тем, что сегодня, когда в России идет интенсивное развитие гражданского общества и его институтов, для поддержания политико-культурной преемственности необходимо обращение к положительному опыту прошлого. В наши дни «кузницей» государственно-управленческих кадров все чаще становится система местного самоуправления, откуда начинают свой путь в большую политику молодые российские лидеры. В период пореформенной (после 1861 г.) модернизации страны можно найти немало удачных примеров того, как политическая и управленческая компетентность известных общественных и политических деятелей оказывалась результатом постепенного накопления профессиональных и жизненных знаний, приобретенных в годы службы в органах местного самоуправления – земствах. Именно земства были ранними прообразами

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00059А.

современных гражданских институтов, пусть не вполне совершенными, но для своего времени достаточно передовыми. Из рядов земских служащих вышло множество идеологов и активистов политических партий, выбравших, под влиянием окружающей социальной среды, народническое направление демократического социализма. *Новизна* исследования, помимо самой постановки проблемы, сформулированной впервые, состоит в том, что ряд персоналий, представленных в статье, до сих пор не был удостоен специального внимания историков. *Цель* работы – показать зависимость политического выбора акторов демократического социализма – народников от условий и характера своеобразного жизненного «просвещения», полученного ими во время земской службы.

Методы: компаративный (сравнительно-сопоставительный), исторической персонификации, анализ, синтез.

Обсуждение и результаты. В настоящее время в демократических странах много и предметно говорят о гражданском обществе: о том, каким оно должно быть в своем развитом состоянии, и насколько имеющиеся примеры разных государств этому состоянию соответствуют. Россия не является исключением в течение последних десятилетий, осмысливая феномен «гражданское общество» на обыденном и теоретическом уровнях. При этом в силу ее особых условий – огромной территории, полиэтничности, многоукладности, пограничного геополитического и историко-культурного положения между Востоком и Западом, крайней неравномерности плотности населения и экономического развития разных географических областей у нее был и собственный путь – долгий и непростой – к формированию гражданской культуры и ее атрибутов.

В процессе государственно-политических преобразований в России всегда, в самые различные эпохи базовой проблемой было сочетание принципов централизации и децентрализации власти [6, с. 115]. Сущность этого сочетания состоит как в тесном взаимодействии при решении важнейших общегосударственных вопросов центральной власти и органов местного самоуправления, так и в предоставлении должной самостоятельности «местам» при осуществлении управления соответствующего уровня и компетенции, с широким участием в этом процессе населения. Понятно, что многовековой абсолютизм и практически полное бесправие подавляющего большинства населения не могли создать благоприятную почву для быстрого «внедрения» гражданских начал в жизнь россиян.

С учетом устойчивости черт полувосточного национального менталитета, привычки к патернализму, ожидания милости от «н*а*большего» – барина, хозяина, отца, царя, вождя и в конечном итоге попросту власти и государства, приходится удивляться скорее тому, что за короткий постсоветский срок не номинально, а в действительности широко развернули свою деятельность местное самоуправление, различного рода общественные организации, волонтерское движение и прочие гражданские инициативы. Отметим, что в СССР значение программ и институтов, характеризующих наличие гражданского общества, признавалось и декларативно приветствовалось, но на деле было скорее декорацией, так как без указания и плотного контроля сверху создавать и продвигать таковые было невозможно. В современной России формы местного самоуправления разви-

ваются достаточно активно, и предоставление им широких полномочий (в соответствующем территориально-административном масштабе), взвешенность и легитимность их решений, обратная связь с населением – показатели эффективности не только самих институтов, но и зрелости гражданского общества в целом. Существующее положение является не в последнюю очередь и следствием политико-правового прошлого. В России всегда была выстроена сильная вертикаль власти, и параллельно с ней существовала система местного самоуправления, однако самостоятельность последней в разное время была не одинакова. «Лучшим» в этом смысле периодом, способным в какой-то степени послужить примером и сегодняшним институтам, оказались последняя треть XIX и начало XX века – период модернизации экономической и социально-политической жизни, наступившей после отмены крепостного права в 1861 г. Именно тогда в имперской России стали появляться и отдельные ростки гражданской культуры. Они затронули далеко не все общество с его традиционным, патриархальным жизненным и хозяйственным укладом. Однако передовая часть социума, главным образом, «разночинная» интеллигенция, быстро заметила возможность демократических подвижек и «переустройства» психологии крестьянского населения вследствие внедрения в жизнь деревни новых, инициативных начал.

Главным институтом, способствовавшим таким прогрессивным изменениям, было местное самоуправление – городское и земское. Именно в земском самоуправлении виделись особые перспективы: оно было организовано раньше городского и в нем участвовали представители не только уездов, но и городов [13] – следовательно, земства охватывали максимально разнообразный социальный состав. Со временем все более был заметен отход от сословного принципа – это вполне соответствовало переходу общества в индустриальную стадию, когда сословное деление объективно отживало свой век, уступая место классовому, с бóльшими возможностями для вертикальной и горизонтальной мобильности социальных субъектов.

При разработке законодательства, которое должно было регулировать деятельность местного самоуправления, и самих базовых моделей последнего, необходимо было принимать во внимание как российские реалии – образ жизни населения, характер его политической и общей культуры, так и мировые тенденции демократизации отношений между личностью, обществом и государством [4, с. 50]. По Положению о губернских и земских учреждениях 1864 г. земское самоуправление рассматривалось как общественное, не имеющее отношение к государственным управленческим структурам. В этом многие видели значительный недостаток: не связанные с правительственными учреждениями в общую структуру органы самоуправления оказались лишены и полицейской, и в конечном итоге исполнительной власти [14, с. 34]. Местное самоуправление оказалось, таким образом, проникнуто дуализмом, основанном на противоположении правительственного и земского начал. Как писал эволюционный народник, экономист и публицист А. В. Пешехонов, – земство было не то частью государства, не то «пристройкой к нему для специальных надобностей», не то особым строением совершенно частного характера [11, с. 364].

Не объединенное и ничем не защищенное сверху, земское «строение» не было ограждено от властного произвола, а снизу – оно не доходило «до земли», то есть до населения, в повседневной жизни которого продолжали безраздельно царить опека и усмотрение властей. По словам А. В. Пешехонова, само правительство на первых порах как будто колебалось между самыми противоположными взглядами. По мнению комиссии, вырабатывавшей проект положения о земстве, «земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти», а именно земские дела в общем государственном строе должны занимать «середину», «выше их стоят дела государственные, ниже – общественные сельских и городских сословных корпораций» [11, с. 364].

В 1869 г., словно в подтверждение сомнительного статуса земств как управленческих институтов, правительство лишило их права бесплатной пересылки корреспонденции, доступного нижестоящим сословным учреждениям, на том основании, что они «не есть органы правительственные и не могут иметь никакого преимущества пред частными лицами и органами» [11, с. 365]. По строгим оценкам народников, положение 1861 г. не предоставляло земству почти никакого участия в местном управлении, функции его были крайне узки, ограничиваясь «чуть ли не одним “лужением больничных рукомойников”»… [11, с. 364]. Возмущало социалистов-народников и то, что главенствующее место в земствах было отведено помещикам. Из всего сказанного ясно, насколько неопределенным и зыбким являлось положение земства в общем государственном строе. Новое Положение о земских учреждениях 1890 г. должно было «сплести» систему самоуправления с государственной системой, введя ее в общую категорию публичного права [14, с. 35]. Вместе с уточнением статуса земств как государственных органов и расширением их компетенций усиливался бюрократический контроль за их деятельностью. Введение земских гласных в разряд государственных чиновников [15] мешало демократизации земских рядов (крестьянство, большая часть купечества и духовенства не имели права поступления на государственную службу, что усилило преобладание дворянства в земствах), но с правовой точки зрения вносило известный порядок.

Несмотря на все недоработки и недостатки земской системы, русское народничество приняло самое живое участие в развитии и «продвижении» земств. Народники обоснованно считали, что земство – именно то звено, посредством которого может быть преодолено извечное безразличие крестьян ко всему, что не затрагивает напрямую их общинно-хозяйственных и семейных интересов. Новое поколение народничества (его, чтобы обозначить идейную преемственность и в то же время подчеркнуть некоторую эволюцию взглядов по сравнению с предыдущими поколениями, нередко именуют неонародничеством), сделавшее свой идеологический выбор в последнее десятилетие XIX в., принялось за работу по «связям с общественностью» в деревне не менее активно, чем их предшественники, «ходившие в народ», и, пожалуй, гораздо более успешно. В этом молодой народнической генерации помогли земства.

Среди неонародников, родившихся в 1860 – 1870-х гг. (как среди революционных, так и среди умеренных) было много земских служащих.

Систематическое образование было далеко не у всех, но целеустремленность, цепкость ума, памяти, характера, честолюбие, работоспособность и энергия, часто свойственные выходцам из демократических слоев, постепенно компенсировали этот недостаток. Земская избирательная система, как известно, давала приоритет поместному дворянству, поэтому разночинная интеллигенция имела мало возможностей войти в земство в качестве гласных [12, с. 331], зато могла приобщиться к земскому труду как вольнонаемные служащие – например, в виде сдельных работников и приглашаемых по особой надобности «специалистов». С легкой руки самарского вице-губернатора В. Г. Кондоиди эту категорию интеллигенции стали называть «третьим элементом», и именно эта социальная группа стала ферментом общественного брожения в стране. Новая служилая интеллигенция (по оценкам историков, 65 – 70 тыс. человек) руководствовалась не только своими профессиональными, но и, главным образом, народными интересами (сообразно своему пониманию их), и в своем стремлении усовершенствовать земское дело смело выходила за рамки исключительно своей специальности.

Одна из самых колоритных фигур «третьего элемента» последних десятилетий XIX в. – земский статистик. Модернизация страны ставила на научную основу изучение различных сфер хозяйственной и общественной жизни. Исследование социально-экономического положения крестьянских хозяйств в пореформенное время стало одним из самых актуальных направлений практической деятельности земств [8, с. 35]. Поэтому не удивительно, что статистические бюро заняли особое положение в земских органах. Результаты их исследований широко использовались как земскими, так и правительственными учреждениями.

Статистика – наука точная и объективная – решалась затрагивать самые болезненные и интимные стороны народной жизни. Процедура подворных переписей, с устным опросом, была сродни современным социологическим исследованиям [8, с. 35]. Вырабатывались методика и методология проведения таких опросов: полученные в ходе устных бесед данные обрабатывались, цифровой материал сводился в таблицы, к которым давался пояснительный текст [8, с. 35].

Представители земско-статистических организаций деятельно участвовали в подготовке и проведении самых разнообразных и сложно осуществимых начинаний, чаще других категорий служащих получая, причем далеко не всегда справедливо, упреки в оппозиционности, именно из-за болезненности проблематики, которую они поднимали в своих исследованиях. Обвинения в неблагонадежности можно было получить не только от правительства, но и со стороны консервативных земских гласных [7]. На самом деле профессиональному статистику было не до крамолы, ведь чаще всего у него элементарно не было возможности отвлекаться на какие-то побочные дела: во время переписей он трудился весь световой день, а затем, ночью, по свежим следам обрабатывал полученные эмпирические данные. Это требовало больших физических, умственных и моральных затрат. Не менее напряженной и ответственной была и предварительная подготовка к проведению переписей и опросов: необходимо было ознакомиться с множеством документации хозяйственного назначения,

хранившейся в волостных правлениях, и сделать выписки наиболее полезных тематических материалов: о сделках, договорах, наймах, аренде земли и т.п. [8, с. 32]. Респонденты (особенно из зажиточных) далеко не всегда были искренними, и, чтобы иметь возможность распознать ложь, статистику необходима была компетентность в вопросах не только крестьянской психологии, но и собственно сельского хозяйства. Как правило, энтузиасты статистического дела с честью выходили из самых сложных ситуаций, тактом, терпением, эмпатией, доходчивостью объяснений о смысле своих мероприятий внушая крестьянам доверие и в конечном итоге готовность сотрудничать.

Земской статистике была присуща система разделения труда, свойственная фабрике – это оптимизировало ее деятельность. Но истинную причину своих трудовых, научных и коммуникационных успехов сами ее подвижники видели в простом сотрудничестве, особенно продуктивном благодаря высокому интеллектуальному и моральному уровню всех работников, а также корпоративному духу. Статистические бюро при земствах стали, по сути, прообразом союзов общественно-профессионального характера.

Типичным представителем умеренного народничества был Николай Федорович Анненский (1843 – 1912), много лет посвятивший земско-статистической деятельности и добившийся на этом поприще внушительных успехов. В те времена каждый сдвиг в деле налаживания контакта и взаимопонимания между интеллигенцией и крестьянством, с учетом малоподвижности психологии и привычек деревни, воспринимался как большое событие. Анненскому удалось преодолеть значительное «расстояние» на этом пути. С начала 1880-х гг. он работал в Поволжье: в Казанском, затем в Нижегородском губернских земствах, возглавляя статистические бюро. Новаторство Анненского состояло в том, что свою каждодневную работу он не только выполнял «с душой», но и ставил ее на научную основу, привлекая к сотрудничеству специалистов в области почвоведения, химии, агрономии. Исследовав территории ряда уездов, пострадавших от неурожаев, Анненский в цифрах оценил зависимость плодородия от качества почв и видов удобрений. Этот метод оценки земель был взят на вооружение и в дальнейшем был усовершенствован при участии известного почвоведа Н. М. Сибирцева. Для последнего опыт, приобретенный в годы сотрудничества с отделом Анненского, также стал знаковым: исследования, проведенные по «заказу» земства, привели ученого к важным выводам о социальной и экономической роли почвы. Сибирцев установил, что от почв зависит не только многолетняя средняя урожайность, но и сельскохозяйственные экономические явления [16].

Натура, богато одаренная, Анненский не довольствовался чисто деловой сферой. Имея склонность к публицистике и некоторый опыт (к тому времени он давно сотрудничал с целым рядом широко известных журналов), народник способствовал популяризации земско-статистической деятельности, регулярно публикуя интересные и полезные материалы о ней. В Нижний Новгород он был приглашен в начале 1887 г., поскольку слава о его научно-профессиональных достижениях широко разнеслась по евро-

пейской России. Помимо отличных чисто деловых качеств, у Анненского было то, что невозможно приобрести даже с опытом, но без чего работа с простыми людьми непродуктивна: чуткость, доброта, любознательность, коммуникабельность, искренность. В нижегородский период ведомством Анненского была проведена подворная перепись сельского и деревенского населения, в ходе которой удалось собрать подробнейшую информацию о состоянии хозяйства, подсобных промыслах, степени грамотности крестьян. Народники (да и не только они) отлично знали, насколько этот «контингент» тяжел для исследования: малоконтактен, полон предрассудков, непонятлив, забит. Однако крестьяне позволили себя детально «переписать», что красноречиво свидетельствовало о высочайшей квалификации руководителя и сотрудников нижегородского статистического бюро. Более того, местное население (точнее, наиболее развитая его часть) охотно помогало земскому статистическому ведомству в его трудах. Духовенство, грамотные крестьяне регулярно сообщали статистикам о текущем состоянии урожайности, делились прогнозами на этот счет, докладывали о хозяйственных успехах и проблемах и т.п., то есть видели в Анненском и его коллегах своих искренних помощников и доброжелателей. Анненский имел дар наставника, и под его руководством была создана целая школа нижегородской земской статистики, представленная О. Э. Шмидтом, Н. М. Кисляковым, М. А. Плотниковым, Н. И. Дрягиным, Д. В. Константиновым, К. Н. Ермолинскими др. С 1888 по 1900 гг. ими сначала вместе с учителем, а затем самостоятельно было опубликовано 14 выпусков экономических трудов под общим названием «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии». На последние годы работы Анненского в земстве (1890 – 1892) пришлись печальные события, связанные с голодом. Два друга-народника – Анненский и известный писатель В. Г. Короленко, настолько активно участвовали в кампаниях по борьбе с голодом и его последствиями, что заслужили от журналистов шутливое прозвище «Новые Минин и Пожарский из Нижнего». В профессиональной сфере у Анненского был такой авторитет, что даже по завершении карьеры статистика в провинции он, уже столичный житель, приглашался для разрешения конфликта интересов, и его суждение ставило точку в корпоративных спорах.

Хотя по возрасту Анненский был старше большинства своих будущих политических соратников, именно земства оказались стартом для него как для публичного политика, настоящего лидера мнений. По завершении карьеры статистика он стал одним из организаторов и идейных вдохновителей народно-социалистической партии, связующим звеном между народничеством эпохи П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева (Анненский был женат на его дочери), Н. К. Михайловского и новым народничеством эпохи модернизации. Молодые товарищи Анненского участвовали в парламентских кампаниях, а впоследствии в 1917 г. даже имели возможность занимать государственно-управленческие посты.

Упомянутый выше Николай Михайлович Кисляков (1861 – не ранее 1919), ученик Анненского и народник по убеждениям, работал в Курском, Нижегородском земствах, с 1895 г. заведовал статистическим отделом земской управы Псковской губернии. Кисляков широко занимался вопросами оценки земель, с 1908 – 1913 гг. обследовал хозяйство и поземельно-

податное устройство областей империи, ныне относящихся к Узбекистану, а с 1914 г. заведовал оценочно-статистическими работами витебского губернского земства. Он также оказался не чужд политики: в 1917 г. баллотировался от Трудовой народно-социалистической партии (**ТНСП**) во Всероссийское Учредительное собрание, однако избран не был. Дальнейшая его судьба, к сожалению, не известна.

Петр Иванович Неволин (1856 – не ранее 1919), с 1880-х гг. постоянно работавший в земско-статических бюро (в том числе в Казанском и Нижегородском под руководством Анненского), в 1891–1892 гг. вместе с Анненским и Короленко вел «гуманитарную» кампанию по борьбе с последствиями голода, организовывал помощь земства бедствующему населению Поволжья. Затем, уже руководя оценочно-экономическим отделением Владимирской губернской земской управы, инициировал исследование местных крестьянских хозяйств и доходности земли всей Владимирской губернии. Политическая деятельность была ему также не чужда; из-за нее даже научные труды Неволина, несшие большую практическую пользу развитию земского хозяйства, время от времени оказывались под запретом как «подозрительные», «крамольные». С образованием народно-социалистической партии Неволин стал ее членом (не могло не сказаться влияние Анненского!), от этой организации в 1917 г. выдвигался в Учредительное собрание.

С земской статистики начинал свою общественную деятельность и будущий идеолог народно-социалистической партии, министр продовольствия Временного правительства Алексей Васильевич Пешехонов (1867 – 1933). Именно земский период, уверял он, помог ему окончательно самоопределиться в выборе политического направления: не марксистский, а именно народнический социализм. Сын сельского священника из Тверской губернии, он с юности определил главный объект своей общественно-политической активности – тружеников земли, и на протяжении всей жизни ни разу не переменил его. После двух лет учительства в Ковенской губернии, а затем военной службы в Дагестане Пешехонов с 1890-х гг. вернулся в Тверскую губернию. Не имея средств стать самостоятельным хозяином-земледельцем, он получил работу землемера и статистика у князя Д. И. Шаховского, видного земца-либерала. Именно во время службы статистиком Пешехонов развил в себе литературные задатки – впоследствии он по праву был признан одним из выдающихся публицистов своего времени. Его первые литературные опыты были напечатаны в газетах «День» и «Русская жизнь», а в ноябре 1893 г. его фамилия появилась в «Вестнике Европы», журнале, фактически открывавшем путь в мир профессиональной публицистики. Летом, когда статистическое бюро Шаховского закрывалось, Пешехонов работал землемером в Ярославском имении князя, много времени с удовольствием проводил с крестьянами, входя в круг наиболее жгучих для них вопросов. Несомненно, именно в ту пору он особенно активно воспринимал народнические идеи. В 1893 г. Пешехонов был приглашен в Орловское земское статистическое бюро, где ему удалось наладить дела, находившиеся в полном расстройстве. В Орле в тот момент находилась штаб-квартира партии «Народное право», выступавшей за политическое освобождение России совместными усилиями оппо-

зиционных и революционных сил. Партия существовала недолго: в 1894 г. ее руководители и большинство членов были арестованы. Был арестован по делу «Народного права» и Пешехонов, хотя в партии он, при всем сочувствии ей, не состоял. Целых пять месяцев он просидел в «Крестах», прежде чем была установлена ошибка и его освободили из одиночной камеры.

В начале 1896 г. Пешехонов, уже опытный, квалифицированный специалист, стал заведовать земской статистикой в Калужской губернии. Здесь сполна проявились его организаторские качества: при остром недостатке ассигнований ему удалось сформировать штат сотрудников и заново построить всю работу бюро. Следующий 1897 г. был неурожайным; статистики Калужского земства под началом Пешехонова определили нужду губернии в продовольственной и семенной суде более чем в миллион рублей. Эта цифра была утверждена губернской управой. Однако тогдашний министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, замалчивая голод, дал губернатору указание отпустить денег втрое меньше необходимого. Пешехонов, требуя справедливости, вступил в конфликт с губернской администрацией и был отстранен от работы в Калужском земстве. Вскоре он нашел работу земского статистика в Полтаве, но в 1898 г. там произошел другой, характерный для него эпизод, вследствие которого народнику пришлось на два десятилетия оставить статистическую службу. Когда обнаружилось, что один из служащих был доносчиком, Пешехонов в числе 27 сослуживцев подписал постановление собрания о прекращении с провокатором товарищеских отношений. В результате последовала высылка Пешехонова из Полтавы с пожизненным запрещением земской службы. Данное распоряжение было обжаловано в Сенат, но безуспешно. «Я был таким образом навсегда оторван от дела, которому отдал уже много сил, которое горячо любил и служа которому мог бы, как думаю, принести пользу родине» [10], – писал позже Пешехонов. Он был благодарен статистике: она дала ему «систематическое, какого не получишь из личных впечатлений, и вместе с тем не книжное только знание крестьянской жизни, каковое и являлось потом… опорой в … литературных работах» [10]. К статистической деятельности Пешехонов вернулся уже в эмиграции, став одним из ведущих сотрудников Института по изучению России в Праге.

Еще один видный представитель народнического направления в российском демократическом движении – Николай Петрович Огановский (1874 – 1938), дворянин по происхождению. Интерес к крестьянству, очевидно, проснулся в нем в годы работы в статистическом бюро Воронежского земства (1901–1902), и впоследствии, когда Огановский проводил исследование общины по земским материалам тридцати губерний России. В дальнейшем, несмотря на разносторонние интересы и насыщенную общественно-политическую жизнь, народник продолжал с научной точки зрения интересоваться вопросами аграрной эволюции; возвращался он и к земской статистике: в 1915–1916 гг. заведовал статистическим бюро Всероссийского земского союза. В 1907 – 1917 гг. Огановский был народным социалистом, но во время предвыборной кампании во Всероссийское Учредительное собрание перешел к эсерам, сочтя партию социалистов-

революционеров (**ПСР**) политически более перспективной организацией, чем ТНСП. В отличие от многих народнических лидеров, Огановский не был выслан за границу и не уехал сам, работал в советском хозяйственно-управленческом аппарате, преподавал в вузах. Был репрессирован, отправлен в ссылку, в 1938 г. расстрелян.

Не только из статистиков выходили политики – бывшие сотрудники земств. Известный публицист-народник, соратник Пешехонова и Анненского по партии народных социалистов, Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854 – 1933), близкий друг А. П. Чехова и двоюродный брат отца М. И. Цветаевой, на старте своей политической деятельности работал земским врачом в Скопинском уезде Рязанской губернии. Он оказывал конспиративную помощь народовольческому подполью – в частности, укрывал революционерок сестер Фигнер, за что и был выслан из губернии, выбрав местом проживания Уфу, где заслужил большой авторитет в качестве врача земской больницы. За хранение нелегальной литературы в 1884 г. Елпатьевский был выслан на 3 года под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь [19]. В Енисейской губернии, где он отбывал ссылку, молодой народник оказался единственным земским врачом. Он колесил по необъятным восточносибирским просторам, по мере сил помогая бедному местному населению, выезжал в Туруханский край и Приморье для борьбы с эпидемиями дифтерита, скарлатины и кори и за это заслужил благодарность губернатора И. К. Педашенко [9, 18].

По отбытии срока Елпатьевский, поскольку ему было воспрещено жительство в столицах и ряде крупных городов, поселился под негласным полицейским надзором в Нижнем Новгороде, где сблизился с В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненским и другими, сотрудничал в газете «Русские Ведомости» и журнале «Русское богатство», занимался медициной. В дальнейшем Елпатьевский жил попеременно в Петербурге и Ялте, но в конечном итоге обосновался в Крыму. Там он, помимо обширной врачебной практики, подключился и к активной общественной деятельности: был избран гласным Ялтинской городской думы, вместе с Чеховым явился создателем санатория «Яузлар» (ныне санаторий им. А. П. Чехова), а в сентябре 1917 г. обсуждал вопрос о перспективе открытия в Ялте Таврического университета (такое предложение поступило в городскую думу). Елпатьевский выступил против этой возможности. Он считал, что задача Ялты, с ее уникальными природно-климатическими особенностями – быть здравницей, и город нуждается не в университетах, а в научных институтах по изучению туберкулеза, чтобы усилить борьбу с этим злом [1]. Врач-общественник очень хотел организовать специально для мусульманского населения (в частности, крымских татар) образцовый санаторий, особый по стилю и общему облику, напоминающий традиционное татарское жилье, где питание, распорядок дня, обстановка в целом не только способствовали бы излечению больных, но и показывали бы людям, как умно и осмысленно устроить жизнь и быт, чтобы не болеть [1].

С. Я. Елпатьевский неизменно входил в ЦК ТНСП и в 1917 г. баллотировался от этой партии во Всероссийское Учредительное собрание. Он был одним из немногих народных социалистов, кто принял советскую власть. 10 февраля 1921 г. от Красноармейского Уездного Революционно-

го Комитета он получил своеобразную «охранную грамоту» – постановление о защите личности и имущества «писателя Елпатьевского» в знак признания его «полезной и плодотворной деятельности на пользу народа и Советской Республики» [1]. Это, как и относительная лояльность Елпатьевского к большевикам, в значительной степени оградило его от дальнейших репрессий. Елпатьевский много лет тепло общался с М. Горьким, которого консультировал и лечил. В 1922 г. Елпатьевский переехал в Москву, работал врачом-консультантом в Кремлевской поликлинике.

Василий Васильевич Хижняков (1871 – 1949), выпускник столичной Военно-медицинской академии 1895 г., из-за политической неблагонадежности не был взят на военную службу и выбрал путь земского врача, параллельно активно участвуя в общественно-политической деятельности. Он отмечал коллегиальный дух земских врачей, подчеркнув на съезде врачей Херсонской губернии (1898), что именно это качество помогает сообществу совершенствовать основы оказания медицинской помощи населению [3, с. 73]. Знакомство в Полтаве, где он 1901–1902 был в ссылке, с В. Г. Короленко помогло Хижнякову уточнить свои политические предпочтения, и впоследствии он стал членом ТНСП, кандидатом в ее Центральный Комитет, много сил отдавая развитию кооперативного движения (в 1910 – 1917 гг. он возглавлял кооперацию в Московском губернском земстве) [17]. В 1917 г. у всех демократических социалистов наступил период наибольшей активности в области политики, и Хижняков не стал исключением. После событий Февральской революции он получил пост помощника московского губернского комиссара, а в августе был назначен товарищем министра внутренних дел Временного правительства А. М. Никитина по вопросам местного самоуправления. В этой должности он провел большую организационную работу по выборам в волостные собрания. Помимо того, Хижняков состоял членом правления Совета Всероссийских кооперативных съездов (после Октябрьского переворота некоторое время был председателем правления). От Трудовой народно-социалистической партии он выдвигался в качестве кандидата в члены Всероссийского Учредительного собрания по Воронежскому избирательному округу, но избран не был. В первые годы Советской власти Хижняков, как и многие партийные небольшевики, подвергался арестам, но в дальнейшем ему удалось избежать массовых репрессий: с 1922 г. он жил в Москве, занимался библиографией кооперативной и агрономической литературы и трудов И. И. Мечникова.

Еще один представитель сообщества земских врачей в политике – Иван Егорович (Георгиевич) Марков (1867 – 1918). По окончании медицинского факультета Харьковского университета он работал земским врачом в Константиноградском уезде Полтавский губернии, затем – врачом Подгородного участка Пензенского уезда Пензенской губернии. В Пензе приобщился к оппозиционной деятельности. Имея частную практику (его специализацией была офтальмология), Марков в 1906 г. вместе с А. А. Титовым основал местную группу народных социалистов и вел пропагандистскую работу среди крестьянства и других групп населения. 6 февраля 1907 г. Марков был избран в Государственную Думу II созыва (это был первый парламентский опыт народных социалистов, поскольку I Думу они

бойкотировали), где вошел в состав народно-социалистической фракции и участвовал в работе Продовольственной комиссии. В межреволюционные годы он регулярно попадал то под негласный, то особый полицейский надзор «за неблагонадежность»: хранил и распространял агитационную литературу, вел подрывающие авторитет власти разговоры и т.п. Получив в 1908 г. запрет проживать в Пензе, Марков перебрался в Самару, не оставляя партийной деятельности уже в составе Самарской народно-социалистической группы. В 1915 г. он принимал на своей квартире А. Ф. Керенского, объезжавшего Россию с целью сбора народнических сил для предъявления по окончании войны правительству требований проведения реформ. В 1918 г. в большевистских документах, связанных с его арестом, Марков значился как беспартийный (хотя летом – осенью 1917 г. участвовал в избирательной кампании в Учредительное Собрание как член ТНСП). Арест состоялся 11 октября 1918 г., а уже 13 октября И. Е. Марков был приговорен к расстрелу по обвинению в контрреволюционной деятельности [20].

Отметим, что из рядов земских служащих чаще выходили умеренно-народнические (народно-социалистические) «кадры», чем революционные, эсеровские. Объясняется это, прежде всего, тем, что по своему среднему возрасту народные социалисты были на 7 – 10 лет старше, чем эсеры, и естественным образом нравственно были более близки к народникам старшего поколения, нередко оказывавшимися их наставниками в земствах. «Среднестатистический» эсер, более молодой, радикально настроенный и менее образованный, чем энес, далеко не всегда мог найти применение своей трудовой энергии в качестве «третьего элемента», хотя бы в силу недостатка систематических знаний. Однако не столь уж редко земская служба оказывалась политическим трамплином и для эсеров.

Лидер ПСР Виктор Михайлович Чернов (1873 – 1952) также «начинал» с земств, оказавшись в 1895 г. в ссылке в Тамбовской губернии. Он работал канцелярским служащим, и именно в этот период стал вести активную литературно-публицистическую деятельность, сделавшую его одним из самых влиятельных идеологов народничества. Работа в земстве помогла ему, как и прочим представителям «третьего элемента», накопить практический опыт и окончательно сформировать свое политическое мировоззрение. В Тамбове он приступил к разработке аграрного проекта будущей партии эсеров, ставшего ядром всей эсеровской доктрины. По его собственным словам, базой аграрной программы выступали: революционно-политическое народничество как основа, «позитивизм в области философии, строгий марксизм в экономике» [5, с. 11]. Кроме того, новоявленный народник развивал свой дар пропагандиста: он оттачивал его не только на простом населении, но и на выходцах из высших сословий, причем нередко весьма успешно. Яркий пример – известный земский деятель, крупный землевладелец А. П. Новиков. Этот представитель зажиточного дворянства через несколько лет после знакомства с Черновым политически так эволюционировал «влево», что вступил в ПСР, одним из руководителей которой к тому времени стал Чернов. Но особенно широко велась работа с трудовым населением. Первой женой Чернова стала А. Н. Слетова, активная участница народнических кружков, начальница воскресной школы. И она, и ее брат С. Н. Слетов с энтузиазмом содействовали Чернову в агитационной работе, учреждая «летучие библиотеки» для учащейся

молодежи и рабочих-железнодорожников. Их же стараниями была создана революционная крестьянская организация под названием «Братство для защиты народных прав» [5, с. 12], в программе которой содержалась первая редакция знаменитого эсеровского проекта социализации земли. Бунтарский настрой, вдохновение и красноречие молодого Чернова привлекали к его организации крестьянство (как известно, ПСР стала самой массовой из всех российских партий, и фундамент этой популярности закладывался еще в 1890-х гг. в провинции). Принципы, на которых строилось тамбовское «Братство», были унаследованы первой всероссийской крестьянской организацией – Крестьянским союзом, созданным эсерами накануне революции 1905 – 1907 гг. Тамбовский губернский комитет эсеров был пропитан боевым духом, не пренебрегал тактикой индивидуального террора. Знаменитые М. Спиридонова, А. Антонов, вышедшие на политическую арену с Тамбовщины, – во многом результат «миссионерской» деятельности Чернова и его группы на заре эсерства.

Заключение. Список тех, кто начинал свою общественно-политическую деятельность с земской практики, на самом деле очень длинный. В данной работе приведено лишь несколько примеров судеб активистов неонароднических партий, чья молодость (а в некоторых случаях – и зрелость) прошла на земской службе, и эти примеры, на наш взгляд, очень показательны. Можно утверждать, что именно земская «карьера» помогла многим отечественным приверженцам социалистической теории определиться в партийном выборе. Молодежь, жившая в городах, предпочитала, как правило, народническому направлению социализма марксизм: жизнь деревни для горожан оставалась малознакомой, почти лубочно-«художественной», связанной со стариной, достойной жалости и <…> чуточку презрения. Все, что не тянулось к Европе, для молодых марксистов ассоциировалось с восточной отсталостью, в том числе, так они рассуждали, – и народники вместе с их главным объектом заботы, деревенским людом.

Марксизм внушал оптимистические надежды на неизбежное стирание растущим капитализмом всех пережитков крепостничества, на создание в стране новых общественных сил и, как следствие, падение «самодержавного строя со всеми его гадостями» [2, с. 40]. Так выразился марксист Н. В. Вольский (Валентинов), объясняя свой идеологический ориентир конца 1890-х гг. Те же, кто смолоду вплотную соприкоснулся с бытом и характерами крестьян, осознали, что именно это – и есть российская реальность, ее представителей нужно «выправлять», лечить, учить, развивать в гражданском смысле, делать сильными, умными и счастливыми. Народники хотели, чтобы крестьяне поняли, что человек жив «не хлебом единым», но сами при этом не обманывались в значении для большинства населения России *земли* как главного, можно сказать, священного источника благополучия и, следовательно, спокойствия и счастья. Не случайно в программах неонароднических партий аграрные разделы занимали центральное место. Гражданское воспитание «трудового народа» в их представлениях должно было сопутствовать борьбе за осуществление чаяний земледельцев о справедливом разрешении аграрного вопроса. Основными сферами деятельности «третьего элемента» в земствах, давшими наибольшее число представителей народнической элиты в период Первой Русской и Великой Российской революций, стали статистика, медицина и педагогика.

Список литературы

1. **Брагина Т.** Путешествие по дворянским имениям Крыма [Электронный ресурс]. URL: http://www.krimoved-library.ru/books/puteshestvie-po-dvoryanskim-imeniyam-krima40.html (дата обращения: 18.05.2020).
2. **Валентинов Н. В.** Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. 560 с.
3. **Гончарова С. Г.** В. В. Хижняков – типичный представитель земской демократической интеллигенции конца XIX – начала XX вв. // Интеллигент в провинции: тезисы докл. Всерос. науч.-практ. конф. 4–5 февраля 1997 г. Екатеринбург, 1997. С. 71 – 77.
4. **Горбатюк Е. С.** Концептуальные основы реформирования местного самоуправления в России второй половины XIX в. // ПОЛИТЭКС. 2008. № 4. С. 50 – 63.
5. **Гусев К. В.** В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М.: РОССПЭН, 1999. 207 с.
6. **Климанов А. Ю.** Развитие муниципального самоуправления в России во второй половине XIX – начале XX в.: отечественная история и современность // Вестник МИЭП. 2016. № 4(25). С. 115 – 132.
7. **Лёвин С. В.** Земские статистики в общественной жизни страны [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zemskie-statistiki-v-obschestvennoy-zhizni-strany/viewer (дата обращения: 20.05.2020).
8. **Лёвин С. В.** Проведение земскими статистиками подворных переписей крестьянских хозяйств // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13, № 2. С. 30 – 36.
9. **Литвинова В. И.** Этика хакасской земли в очерке С. Я. Елпатьевского «Абаканская степь» [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-hakasskoy-zemli-v-ocherke-s-ya-elpatievskogo-abakanskaya-step/viewer (дата обращения: 22.05.2020).
10. **Народный социалист**. 1917. 15 октября.
11. **Пешехонов А. В.** Земская дорога // Русское богатство. 1914. № 1. С. 351 – 370.
12. **Пешехонов А. В.** Земская дорога // Русское богатство. 1914. № 2. С. 310 – 340.
13. **Покатило А. Н.** Особенности земского и городского самоуправления в России на рубеже XIX – XX веков [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zemskogo-i-gorodskogo-samoupravleniya-v-rossii-na-rubezhe-xix-xx-vekov/viewer (дата обращения: 27.04.2020).
14. **Шульженко Ю. Л.** Реформы местного самоуправления в России (периоды абсолютной, конституционной монархии, буржуазной республики) // Труды института государства и права Российской академии наук. 2014. № 5. С. 24 – 59.
15. **Петровичева Е. М.** Земское положение. 1890 [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2877829 (дата обращения: 27.04.2020).
16. **Сибирцев Николай Михайлович** [Электронный ресурс] // Пятифан. URL: http://5fan.ru/wievjob.php?id=78099 (дата обращения: 12.05.2020).
17. **Хижняков Василь Васильович** [Электронный ресурс] // ОУНБ им. Д. И. Чижевского. URL: http://wiki.library.kr.ua/index.php/Хижняков_Василь_Васильович (дата обращении: 14.05.2020).
18. **Елпатьевский, Сергей Яковлевич** [Электронный ресурс] // Виртуальная лабратория. URL: https://vlab.wikia.org/ru/wiki/Елпатьевский,_Сергей_Яковлевич (дата обращения: 22.05.2020).
19. **Елпатьевский Сергей Яковлевич** [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика. URL: http://az.lib.ru/e/elpatxewskij_s_j/text_0050.shtml (дата обращения: 22.05.2020).

20. **Марков Иван Егорович** [Электронный ресурс] // Списки жертв. URL: http://lists.memo.ru/d21/f448.htm (дата обращения: 20.05.2020).

References

1. **Bragina T.,** aviable at: http://www.krimoved-library.ru/books/puteshestvie-po-dvoryanskim-imeniyam-krima40.html (accessed May 18, 2020).

2. **Valentinov N.V.** *Nedorisovannyy portret* [Underpainted portrait], Moscow: Terra, 1993, 560 p. (In Russ.)

3. **Goncharova S.G.** *VIntelligent v provintsii* [ntelligent in the province], tezisy dokladov, Vseros. scientific-practical conf. 4-5 February 1997, Yekaterinburg1997, pp. 71-77. (In Russ.)

4. **Gorbatyuk Ye.S.** [Conceptual framework for reforming local self-government in Russia in the second half of the XIX century], *POLITEKS* [POLYTEX], 2008, no. 4, pp. 50-63. (In Russ.)

5. **Gusev K.V.** *V.M. Chernov. Shtrikhi k politicheskomu portretu* [V. M. Chernov. Touches for a political portrait], Moscow: ROSSPEN, 1999, 207 p. (In Russ.)

6. **Klimanov A.Yu.** [Development of municipal self-government in Russia in the second half of the XIX - early XX century: domestic history and modernity], *Vestnik MIEP* [Bulletin MIEP], 2016, no. 4(25), pp. 115-132. (In Russ.)

7. **Lovin S.V.,** aviable at: https://cyberleninka.ru/article/n/zemskie-statistiki-v-obschestvennoy-zhizni-strany/viewer (accessed May 20, 2020).

8. **Lovin S.V.** [Conducting zemstvo statisticians of household censuses of peasant farms], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Izvestiya Saratov University. Series History. International relationships], 2013, vol. 13, no. 2, pp. 30-36. (In Russ.)

9. **Litvinova V.I.,** aviable at: https://cyberleninka.ru/article/n/ etika-hakasskoy-zemli-v-ocherke-s-ya-elpatievskogo-abakanskaya-step/viewer (accessed May 22, 2020).

10. ***Narodnyy sotsialist.*** 1917. October 15. (In Russ.)

11. **Peshekhonov A.V.** [Zemskaya road], *Russkoye bogatstvo* [Russian wealth], 1914, no. 1, pp. 351-370. (In Russ.)

12. **Peshekhonov A.V.** [Zemskaya road], *Russkoye bogatstvo* [Russian wealth], 1914, no. 2, pp. 310-340. (In Russ.)

13. **Pokatilo A.N.,** aviable at: https:// cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zemskogo-i-gorodskogo-samoupravleniya-v-rossii-na-rubezhe-xix-xx-vekov/viewer (accessed April 27, 2020).

14. **Shul'zhenko Yu.L.** [Reforms of local self-government in Russia (periods of absolute, constitutional monarchy, bourgeois republic)], *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 5, pp. 24-59. (In Russ.)

15. **Petrovicheva Ye.M.,** aviable at: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2877829 (accessed April 27, 2020).

16. **aviable at:** http://5fan.ru/wievjob.php?id=78099 (accessed May 12, 2020).

17. **aviable at:** http://wiki.library.kr.ua/index.php/Khizhnyakov_Vasil'_ Vasil'ovich (accessed May 14, 2020).

18. **aviable at:** https://vlab.wikia.org/ru/wiki/Yelpat'yevskiy,_Sergey_Yakovlevich (accessed May 22, 2020).

19. **aviable at:** http://az.lib.ru/e/elpatxewskij_s_j/text_0050.shtml (accessed May 22, 2020).

20. **aviable at:** http://lists.memo.ru/d21/f448.htm (accessed May 20, 2020).

Zemstvo Service as the Start of a Public and Political Career (The Example of Representatives of Neo-Populist Parties)

O. L. Protasova, *Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law ", Tambov State Technical University, Tambov, Russia; olia.protasowa2011@yandex.ru*

I. G. Pirozhkova, *Cand. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia; 0_1_23456789@list.ru*

Using the examples of biographies of some well-known representatives of the populist parties (socialist-revolutionaries and popular socialists), for the first time, it is shown how the work at zemstvo helped future politicians to determine their ideological orientation, gave practical knowledge of the needs of common people, provided insights into their lifestyle and improved communication skills with the peasant population. The significance of zemstvos as early prototypes of modern civil society institutions and a kind of "school of activism" of public policy actors during the Russian revolutions (1905-1917) is discussed. It is concluded that, owing to the understanding of the specifics of life and the mentality of the "lower classes", the experience gained by the populists during their work in the zemstvos contributed to the successful development of their further socio-political career.

Keywords: zemstvo; statistics; populism; society; peasantry.

© О. Л. Протасова, 2020
© И. Г. Пирожкова, 2020

Статья поступила в редакцию 28.05.2020

При цитировании использовать:

Протасова О. Л., Пирожкова И. Г. Земская служба как старт общественной и политической карьеры (на примере представителей неонароднических партий) // Право: история и современность. 2020. № 4(13). С. 17 – 32. doi: 10.17277/pravo.2020.04.pp.017-032